
АНАЛИЗ И ОБЗОРЫ

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ ИЛИ НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ?

Круглый стол экспертов в области образования

Бузгалин А.В., профессор МГУ.

Дорогие друзья, я начну с краткой информации.

Первый и главный инициатор нашей встречи – это движение "Образование для всех", лидером которого является депутат Государственной Думы Олег Николаевич Смолин, а я имею честь быть заместителем председателя Центрального совета. Соответственно, статус этой встречи – это "круглый стол" экспертов, организованный заместителем председателя Комитета по образованию и науке профессором Смолиным. Это официальный статус нашего мероприятия.

И второй инициатор нашей встречи – это Общероссийская конференция "Стратегия России: общество знаний или новое средневековье". Вчера прошло пленарное заседание, на котором были очень бурные дебаты, неожиданно весьма авторитетные интеллектуалы, скажем, Виталий Тоевич Третьяков, вам хорошо известный, ведущий программы "Что делать?" и главный редактор "Политического класса", к тому же профессор, выступил с апологией нового средневековья, как прекрасного будущего не только человечества, но и России, причём без всяких шуток. Но это такой был неожиданный контекст и много споров вокруг этого. В любом случае этот "круглый стол" является частью программы этой конференции.

И третья структура – это постоянно действующий научный семинар, который работает под эгидой тоже Комитета по образованию и науки Государственной Думы, вот здесь профессор Багатурия, профессор Истягин, профессор Арсланов, профессор Келле, д.э.н. Колганов и я представляем этот семинар.

Все остальные участники приглашены как эксперты, участники нашей конференции.

В качестве тех, кто заранее готовил своё выступление, у нас представлены профессор *Хубиев Кайсын Азретович* – Московский государственный университет, доктор экономических наук, *Колганов Андрей Иванович* – тоже МГУ, и ваш покорный слуга. Я думаю, что здесь найдется немало других желающих сказать несколько слов.

Уважаемые коллеги! Я начну тогда свое сообщение, посвятив его двум блокам вопросов в неравной степени.

Первое. Почему необходимо вообще доступное образование?

И второе. Почему это образование, на мой взгляд, должно быть светским, вынося все вопросы свободы совести, вероисповедания и так далее за рамки, во всяком случае, обязательной программы? Это достаточно спорный вопрос, мы его сегодня будем обсуждать, я думаю, как второй вопрос, но можем его поднять тоже.

Прежде всего, об общедоступности и фундаментальности образования, как тех чертах, которые действительно востребованы сегодняшней экономикой знаний и обществом знаний. Какие-то вещи я позволю себе повторить, они будут выглядеть банальными, но, мне кажется, принципиально значимыми.

Для меня перелом, связанный с экономикой и обществом знаний – это переход от преимущественно репродуктивного труда, как основной сферы деятельности человека и главного источника общественного богатства, к новой общественной системе, где креативная деятельность, творческая деятельность человека становится не только главным стимулом научно-технического и социального прогресса, но и главным источником и создателем общественного богатства и главной сферой деятельности.

Этот перелом по масштабу сопоставим с переходом от доиндустриального к индустриальному типу экономики и общества. На мой взгляд, он даже более масштабен, поскольку и доиндустриальный, и индустриальный – это преимущественно репродуктивные виды деятельности. И этот перелом многое меняет.

Если экономика и общество прошлого могли позволить себе иметь 5, максимум 10 процентов людей с высшим образованием и элементами креативной деятельности и развиваться достаточно успешно, и в такой системе образование могло касаться только некоторого ограниченного круга людей – образования, обеспечивающего действительно культурное развитие человека, – то с сегодняшнего дня, в широком смысле слова – с XX века, его второй половины по крайней мере, мы переходим – не перешли, но переходим к общественной экономической системе, в которой большая часть членов общества должна получать образование, позволяющее сформировать и реализовать свой творческий потенциал.

Это жесткая установка, у меня нет времени ее аргументировать. Но написано немало работ профессионалов – и экономистов, и социологов, и философов, которые доказывают этот тезис с теми или иными аргументами.

Что далее следует из этой постановки? Далее из этого следует, что в этих условиях общедоступность образования становится не только нравственным императивом, не только социальной потребностью, но и прагматичным, экономически эффективным средством для развития той экономики, которую сегодня называют инновационной.

Слово "инновационная экономика" выглядит новым, хотя, как было справедливо подчеркнуто, в том числе, вчера на пленарном заседании конференции "Стратегия России", установка на развитие интенсивного экономического роста, а не экстенсивного, развитие за счёт эффективности и качества нам хорошо знакомы по решениям, не помню уже какого, съезда КПСС 60-х-70-х годов.

Поэтому на самом деле эта проблема давно известна. Вопрос в том, что сегодня действительно для экономики оказывается востребованным вот этот креативный потенциал большинства.

Соответственно, если мы обеспечиваем 15-ти – 18-летнее образование для большинства членов общества, то мы не столько растрачиваем общественные ресурсы, сколько создаём действительно главную производительную силу и ресурс развития, обеспечивающий производство и материальных благ, и культурных ценностей, и самого человека, как главный результат экономики.

В сегодняшнем сельском хозяйстве востребованным специалистом является человек с высшим образованием, являющийся знатоком, профессиональным знатоком не только сельскохозяйственной науки, но и биологических, микробиологических технологий, плюс хорошо знакомый с техникой и компьютером.

Я могу привести пример, который звучал на конференции на юге России, где красnodарские коллеги, решив обеспечить продуктивность сельского хозяйства на уровне Голландии, закупили необходимое оборудование, закупили необходимые породы скота для свинофермы, но при этом получили результат почти в десять раз худший, чем в Голландии.

Стали выяснять: в чём проблема. Оказалось, что они забыли закупить один пустяк – полтора десятка специалистов из Голландии, которые могли бы действительно обеспечить адекватное функционирование всей этой системы. Дальше производятся десятки тысяч свиней при помощи вот таких специалистов.

Можно производить эти же десятки тысяч свиней при помощи нескольких тысяч людей, которые по колено в грязи работают 14 часов в сутки. Количество мяса будет примерно таким же.

Это только один маленький пример. То же самое касается большинства современных сфер материального производства. Отсюда жёсткий вывод, который я хотел специально сформулировать.

Для экономики общество знаний, общедоступное образование, реализующее потенциал каждого, является необходимым средством развития, а не только социальной благотворительности.

Второй тезис. Очень много говорится о том, что развитие общества знаний это не столько снижение социальной поляризации, сколько увеличение социальной поляризации, что социальное различие в знаниях становится важнейшим фактором, который акселерирует, усиливает поляризацию и расслоение, в том числе имущественное расслоение, и различие в качестве жизни и внутри отдельных стран, и между странами в глобальной экономической системе. В том числе это касается России, где у нас сложилось своего рода противоречие "первого" и "третьего мира". Москва и некоторая толика других городов – это "первый мир", более или менее развитый, я не знаю, где-то в интервале от Голландии до Греции. Далее идёт, наверное, десяток городов, выступающих в роли новых индустриальных стран или их аналогов. И далее весь "третий мир" – остальная российская глубинка, большая часть нашей страны.

Итак, принятая установка: общество знаний усиливает социальную дифференциацию. Я берусь утверждать, что общедоступность образования как раз позволяет снять этот параметр и превратить знания из акселератора социального неравенства в средства снижения социального неравенства. На мой взгляд, любой человек по своему талантлив, и это доказано в работах известных и психологов, и философов школы Ильенкова, Выготского, Леонтьева. Если общество даёт ему возможность получения сколь угодно высокого образования, он может действительно использовать это образование для улучшения своего материального благосостояния и благосостояния своей семьи, и тем самым парировать те параметры социального неравенства, которые задаются другими основаниями: экономическими, юридическими, наследованием и так далее.

Это не снимает проблем рыночной экономики с её поляризацией. Это не снимает проблем противоречий между теми, кто занят наёмным трудом, и теми, кто является собственником средств производства и других ресурсов в современной экономике. Но это позволяет сделать эту систему несколько более социально справедливой.

Третий параметр, о котором я хотел бы говорить, это развитие общедоступного образования, как средства развития гражданского общества. Мы очень много говорим о том, что для современной экономики, для современного прогресса, для развития личности необходимы развитые институты гражданского общества, самоорганизация и действительное участие людей в принятии решения, контроле, регулировании общественной жизни, но мало задумываемся о том, каковы предпосылки этого.

Если мы развиваем систему, в которую человек включён и которой он подчинён через систему масс-культурного манипулирования, обладает ограниченным объёмом утилитарных знаний, и только элита сформирована как представитель общества, обладающая какими-то незначительными или более значительными креативными способностями, то большая часть населения становится фактически объектом манипулирования и оказывается неспособна к сознательной гражданской деятельности, к сознательной гражданской позиции, социально ответственному поведению и всему тому, что составляет предпосылки развития гражданского общества и действительной демократии. Для того чтобы человек был социально и граждански активным, участвовал в общественном управлении, этот человек должен быть культурным, причём достаточно фундаментально культурным, а не просто профессионально более или менее грамотным. Это третий тезис, на мой взгляд, принципиально важный.

Четвёртый тезис будет выходить за рамки прагматичного дискурса, который я задал с самого начала. Для человека, который на самом деле является высшей ценностью, развитие культуры и знаний является атрибутом, необходимым свойством, и здесь можно поставить точку. То есть, по идее, всё то, что я говорил, можно было бы и не говорить, потому что есть высшая ценность – развитие человека, как культурного, творческого субъекта, свободное всестороннее развитие личности.

Но у нас высшая ценность – это абстракция, которую политики и экономисты предпочитают не принимать во внимание в своих решениях, поэтому я начал с прагматизма.

Последняя, пятая, ремарка. Суммируя всё это, мы можем сделать некоторый вывод: сказанное позволяет создать предпосылки и для решения геополитических задач, и укрепления статуса государства как особого института власти. То есть даже если мы сейчас всю эту проблему заземлим и сделаем очень узкой, и посмотрим: выгодно ли это правящему политическому классу, используя терминологию, которая сегодня принята, то даже в этом случае мы можем сделать вывод. Да, геополитический престиж страны сегодня и отсюда статус политического класса в мировой геополитике, как выразился Виталий Третьяков – в совете директоров корпорации "Земля", повысится. Прежде всего, потому что это геополитическое влияние, чем дальше, тем больше будет завоёвываться не столько оружием и сырьевыми ресурсами (хотя это очень спорный тезис, но я его выдвину и поставлю точку), сколько тем, каков культурный и образовательный уровень и человеческие качества представителей той страны, элиты (в кавычках или без), которой является тот или другой политический класс.

На этом я бы завершил, за исключением, пожалуй, пары ремарок касательно того, что же такое всё-таки общедоступное образование.

Во-первых, это действительно практические, экономические, социальные, институционально гарантированные возможности для ребёнка из любой семьи получить равное, качественное образование независимо от дохода и социального статуса, места проживания и других параметров родителей.

Такое образование обеспечивается открытостью и государственным финансированием школы и высшей школы.

Такая система образования не является фантастической, и опыт её существует не только в СССР, хотя в СССР была весьма эффективная система образования, имеющая свои бюрократические и идеологические недостатки, но и немало преимуществ.

Более того, нагрузка на бюджет здесь отнюдь не фантастическая и вполне посильная России, которая имеет высокий потенциальный объём доходов от экспорта сырья и других источников доходов. Сейчас нет возможности для тщательных выкладок, но отнюдь не финансовые ограничения стоят барьером на пути развития такой системы образования.

Второй параметр общедоступного образования – это социальная поддержка учащихся из бедных семей или не имеющих доходов молодых людей, участвующих в процессе образования. Социальные стипендии, система специальной поддержки бедных школьников и студентов – это проработанные модели, такого рода стипендии значимого масштаба существуют практически во всём мире.

Третий параметр – это общегосударственная система переподготовки кадров. На самом деле мы об этом не говорили, но важнейшая часть общедоступного современного образования – это образование через всю жизнь, не на всю жизнь, а через

всю жизнь. То есть, человек постоянно учится. Общегосударственная система переобучения – это один из таких параметров, она может соединяться и работать на партнерских началах с частным бизнесом, и должна, наверное, это делать в современной экономике, но в любом случае она необходима.

Тот же опыт социал-демократических экономик показывает, что, скажем, проблема безработицы может решаться не только за счет пособий, но и за счет бесплатного переобучения, переквалификации временно неработающих людей, и решения структурных проблем, вопросов научно-технического прогресса, за счет поддержки обучения безработных. Безработные из иждивенцев или потенциальных люмпенов превращаются в средство развития технологического развития страны, решения социальных проблем.

Наконец, хотелось бы подчеркнуть, что важнейшим средством и элементом общедоступного образования является достойная материальная, социальная и идеологическая поддержка всего корпуса работников образования, прежде всего педагогов.

Обращу внимание не только на материальную сторону этого вопроса, хотя, на мой взгляд, профессор – это работник не меньшей квалификации, чем высший менеджер, а учитель – это работник не меньшей квалификации, чем высококвалифицированный специалист среднего звена банковской корпорации, на мой взгляд, и ответственность его перед обществом – даже у учителя в сельской школе – не меньше, чем у бухгалтера в фирме, соответственно и материальное положение этого человека должно быть по крайней мере соизмеримо.

Но обращу внимание на вторую сторону, о которой сегодня говорится еще меньше, это на идейно-культурную поддержку. Без того, чтобы общественная система информации, и государственное телевидение и все остальные каналы, массмедийные каналы не поддерживали систему образования и ее работников как главных агентов современного общественного развития, мы проблемы решить также не сможем. Проще говоря, главным героем телевизионного вещания должен быть учитель, воспитатель детского сада, работник музея, а не банкир, убийца и проститутка или фотомодель.

В заключение позволю себе несколько слов по второй части нашей программы, почему речь идет еще о светскости образования.

Свобода совести – это дело каждого человека, и даже в нашем "круглом столе" участвуют люди с самыми разными взглядами, и те, кто веруют, и принадлежит к определенной конфессии, и те, у кого есть некие теологические соображения, не связанные с конкретной конфессией, и те, кто являются атеистами. Это нормально, это характерно для любого интеллигентного сообщества, это характерно для школьников, студентов, это характерно для большинства преподавателей.

В этих условиях введение в качестве обязательного элемента образовательной системы, я подчеркиваю, обязательного государственного элемента образовательной системы, какого-либо специального религиозного предмета, тем более связанного с конкретной конфессией, на мой взгляд, и по мнению многих специалистов, соз-

---

даст огромные проблемы, и внесет те самые элементы средневековья, о которых мы сегодня говорили и говорили вчера.

Для того чтобы система образования была действительно открытой, общедоступной, не создающей новых барьеров внутри нашего общества еще и по этому признаку, для того чтобы образование не было средством разграничения людей, а было средством диалога, мне кажется принципиально важным, безусловно, развивая информацию о различных религиях, особенно их культурном содержании, как и об атеистической тенденции, не вводить обязательных религиозных моментов в школьную или вузовскую программу. Спасибо.

Колганов А.И.

Я от констатации таких вот общих принципиальных подходов к тому, каким должно быть образование в современном обществе знаний, перейду к анализу того, в какой степени нынешнее состояние образования в России соответствует этим подходам, и в какой степени соответствует этим подходам образовательная политика, которая проводится сейчас.

Прежде всего, следует констатировать печальный факт, что те позитивные моменты, которые были заложены в образовательную систему советского периода, мы в значительной мере утратили, утратили по нескольким причинам. Одна из главных из них это резкое падение финансирования системы образования, падение престижа работы в сфере образования, и что немаловажно, падение престижа профессионализма вообще. Если мы посмотрим на высшее профессиональное образование, то там, где люди уже сознательно совершают выбор, связанный с получением этого образования, мы увидим, что значительная часть студенчества идет сейчас в вузы не за знаниями, а за дипломами.

Эта ситуация сложилась в тесной связи с общей социально-экономической атмосферой, политической и духовной атмосферой в обществе. Это привело к тому, что качество образования как школьного, так и вузовского падает, оно не только упало, оно продолжает падать, в том числе с связи с деградацией кадровой базы образования как в школе, так и высшего профессионального. А вот ряд недостатков советской системы образования, он никуда не делся, некоторые из них, пожалуй, даже и усугубились в современной системе. Это ее довольно высокая степень бюрократической жесткости и наличие идеологического контроля. Формы этого идеологического контроля изменились по сравнению с тем, что было в советский период, но он по-прежнему присутствует и достаточно серьезно. Причем возникает тенденция некоторого даже возвращения к тем формам идеологического контроля, которые существовали в советский период, не полностью, но отчасти.

Совершенно ясно, что та модель школьного и вузовского образования, которая существовала в советский период и обеспечивалась определенным уровнем государственного бюджетного финансирования, не может нормально функционировать при принципиально ином уровне финансирования. Уровень финансирования школы по отношению к валовому внутреннему продукту по сравнению с дореформенным

периодом упал примерно вдвое, если грубо оценивать на настоящий момент. В 90-е годы он упал ещё сильнее, потом его, так сказать, чуть-чуть невероятными усилиями заинтересованных в этом людей подтянули и сейчас по оценкам экспертов общий уровень расходов на образование, включая и негосударственные расходы, у нас сейчас составляет 3,6% валового внутреннего продукта. Непосредственно перед рыночными реформами это было где-то, грубо, 6-7%. В 50-е годы, когда наша система школьного образования обратила на себя внимание всего мира, как одна из лучших систем школьного образования, мы тратили примерно 10% валового внутреннего продукта на образование – не только на школьное, естественно, но и на высшее. Это если говорить о такой материи, как финансирование.

Вторая сторона вопроса – это соответствует ли нынешняя система образования тем требованиям, которые были изложены в выступлении Александра Владимировича. К сожалению, нет. Среди недостатков существующей системы образования, помимо того, что она деградирует, существует и её недостаточное соответствие запросам того общества, которое мы называем обществом знаний.

В чём это несоответствие заключается? Система образования недостаточно гибкая. Она недостаточно быстро приспосабливает содержание образования к современным тенденциям развития знаний и к общественным потребностям. Вообще говоря, образованию, как школьному, так и вузовскому, должен быть присущ определённый элемент здорового консерватизма. Образование – это не сфера моды. Образование должно опираться на некоторые фундаментальные, как научные, так и культурные составляющие, которые не могут пересматриваться каждый год под влиянием текущего момента и злобы дня. Поскольку образование – это не только система подготовки специалистов, но что я хочу обратить внимание, но это в первую очередь и прежде всего система социализации подрастающего поколения.

Поэтому когда у нас говорят: вот, главным образом недостаток системы образования заключается в том, что она плохо реагирует на требования рынка труда. Я вам хочу сказать – ерунда. Такой недостаток есть, но он не является фундаментальным недостатком системы образования. Это вопрос технический, который имеет своё решение, и отнюдь не в коммерциализации системы образования.

Но под предлогом гибкого реагирования на конъюнктуру рынка труда ни в коем случае нельзя затрагивать фундаментальные и общекультурные компоненты образования. Они должны быть неприкосновенны. Это основа воспроизводства общества. Это основа самоидентификации себя как общества и как нации. На это покушаться нельзя ни в коем случае.

Далее. Я хочу заметить, что современная экономика знаний требует от нас в значительном числе не только хорошо натасканных специалистов, но и людей, способных к творческой деятельности и к быстрой смене сферы деятельности и профессии. Для этого необходимым условием является как раз широкая фундаментальная подготовка без узкой специализации.

Более того, студента необходимо научить тому, чтобы искать знания самостоятельно. Ему как-то, хоть в первом приближении, должны дать понять, как происходит процесс поиска и добычи знаний.

То же самое, между прочим, касается и школы. К сожалению, в школе этот компонент развит, безусловно, недостаточно, и здесь мы упираемся, в первую очередь, в качество учительского контингента. Мне как-то давным-давно довелось в одном из писем Ленина наткнуться на такую фразу, что качество обучения определяется не программами, а составом лекторов.

Так вот, к сожалению, с составом у нас проблемы, они у нас были и в советское время, а сейчас они резко усугубились. Можно вспомнить ещё один ленинский тезис, что надо поднять учителя на такую высоту, на которой он до сих пор нигде ещё никогда не стоял. С этой задачей советский период пытался справиться, но так и не смог, к сожалению, до конца эту проблему решить, а сейчас вообще в этом вопросе у нас провал. Вот это надо действительно сделать, если мы хотим войти в общество знаний не как просители, не как искатели какого-нибудь уголка, где можно приткнуться, а как лидеры.

Проблемы видны, проблемы надо решать. Как их пытается решать современная образовательная политика? К сожалению, мы видим, что современная образовательная политика, во-первых, продолжает попытки сэкономить на образовании. Финансирование школы реально почти не увеличивается, все маленькие шажки в сторону увеличения финансирования – это не заслуга образовательной политики государства, а это заслуга ожесточенной борьбы тех, кто государственных постов не занимает, за крохи бюджетного финансирования. Это у государства вырывается с кровью.

Количество бюджетных мест в высшем образовании сокращается, стипендии учащихся носят нищенский характер. Причём, любопытная закономерность: в советское время наиболее высокий уровень стипендий, знаете, где у нас был? Он у нас был в ПТУ – 70 процентов прожиточного минимума, по грубой прикидке, тогдашнего. Сейчас у нас по отношению к прожиточному минимуму стипендия в ПТУ составляет где-то, по-моему, порядка 7 процентов. Сейчас, наоборот, в вузах и техникумах стипендия выше, в ПТУ – ниже. То есть у нас самые низкооплачиваемые категории населения, которые и учатся в ПТУ, получают и самую маленькую стипендию.

Богатые станут ещё богаче, а бедные – ещё беднее. Вот такой принцип у нас господствует. Вместо социальной поддержки учащихся из наименее обеспеченных слоев населения, мы имеем систему, которая действует ровно наоборот.

В каком направлении нам предлагают реформировать образование? Принцип "Деньги следуют за учеником", вроде бы, логичный. Но всё дело заключается в том, что финансирование учебных заведений зависит не только от количества учеников, есть так называемые "постоянные расходы", от которых никуда не деться, вне зависимости от количества учеников. Здания надо содержать, учительский контингент надо содержать, и так далее и тому подобное. Невозможно перейти полностью на

принцип подушевого финансирования, он должен учитываться, но он не может быть единственным.

Фактически принцип подушевого финансирования будет означать, что небольшие школы будут поставлены в наихудшее положение. Далее, этот принцип предлагается развить в каком направлении? Создавая свободу перемещения учеников между школами якобы будет создана конкуренция между учительскими коллективами за качество образования.

Но вопрос школьного образования – это не вопрос выигрыша учительских коллективов в конкурентной борьбе. Это проблема, как дать образование всем. Соответственно проблема заключается не в том, чтобы вознаградить лучших, хотя и это тоже надо делать, безусловно, это надо делать, но что же тогда с худшими делать? Зачем нам идти по пути, который будет создавать некие привилегированные коллективы и некие отстойники с преподавательскими кадрами плохого качества, и кого мы там будем учить в этих отстойниках? Кто туда попадёт? Понятно кто туда попадёт – тот, кто не может заплатить за учёбу в более привилегированном учительском коллективе высокого качества. Совершенно очевидно – это путь не только к сегрегации учителей, но и к сегрегации учеников.

Наконец – системы поддержки высшего образования. Вот идея государственного именного финансового обязательства, которое пытались положить в основу финансирования бюджетной части высшего образования, она основана фактически на том, что лица, которые имеют наилучшие финансовые возможности для проведения своих детей через систему репетиторства, и, соответственно, выигрыша в написании тестов единого государственного экзамена, они и будут получать наивысшую государственную финансовую поддержку. У нас получается очень либеральный подход. Просвещённый либерализм будет заключаться в том, что бюджетная поддержка будет оказываться наиболее обеспеченным слоям населения.

И, наконец, вопрос: а что же надо делать для того, чтобы всё-таки ситуацию в высшей школе исправить и не попасться вот в эту ловушку либеральной модели образования?

Кстати сказать, почему-то идеологи реформы в нашей школе и идеологи реформы высшей школы ориентируются в своих действиях в первую очередь на англо-американскую модель образования, которая в самих странах, где эта модель применяется, подвергается очень сильной критике.

Плюс к этому следует заметить, что эта модель, чтобы она давала хоть сколько-нибудь приличные результаты, должна быть обеспечена финансированием на таком уровне, который мы сейчас себе, к сожалению, позволить не можем. Потому что эта модель функционирует в странах, которые производят валового внутреннего продукта на душу населения раз в четыре-шесть больше, чем мы. Для нас эта модель будет избыточно затратной. Либо она не будет давать тех результатов, которые она даёт в англо-саксонских странах. Фактически, вводя у нас порядки американской

школы, мы будем воспроизводить по достигнутым результатам не американскую школу, а школу какой-нибудь Бангладеш.

Какой же видится школа, которая свободна от этих недостатков? Ну, во-первых, безусловно, для того, чтобы реформировать нашу школу, нам надо по меньшей мере вернуться к тому уровню финансирования, который существовал в советский период. Но не к тому уровню финансирования, который существует, скажем, в странах Западной Европы, потому что для нас проблема-то заключается не только в том, чтобы создать аналогичную модель по эффективности, а в том, чтобы реформировать существующую. На это денег потребуется больше. Поэтому мы не можем тратить на школу где-то 4-5 процентов ВВП, как это делают в Европе и как это предлагает сейчас долгосрочная программа до 2020 года. Мы должны тратить как минимум 7% ВВП, а лучше 10%.

Во-вторых, нам нужно опираться на такие принципы, как обеспечение реальной общедоступности образования. То есть, это предполагает, что и школьное, и высшее образование должно быть бесплатным. Никакого контрабандного протаскивания платного образования в школу, что вот мы вам бесплатно будем давать общегосударственный стандарт, а всё сверх этого будет оплачиваться. Фактически, если будет принят такой принцип, то вам в виде общегосударственного стандарта будут давать нищенский минимум, который ни на что не годится, а за всё остальное заставят платить.

Поэтому допускать такого подхода в школе нельзя. Школа должна быть единой, государственной и полностью бесплатной. За пределами государственной школы могут существовать дополнительные формы образования, но ни в коем случае это не должна быть система базовой подготовки.

В вузовской системе образования, если мы не в состоянии будем полностью профинансировать бесплатное обучение студентов за счёт бюджета, я не исключаю того, что на нынешнем уровне, если учитывать нынешнее количество студентов, может быть, и не получится профинансировать всё обучение бесплатно. Но в таком случае должна, как минимум, существовать система выделения грантов и стипендий на обучение для наименее обеспеченных студентов с тем, чтобы создать для них дополнительные возможности поступать в высшие учебные заведения плюс система дешёвых гарантированных государством образовательных кредитов, чего у нас сейчас нет.

Причём система государственных стипендий и грантов должна быть очень широко развита по той простой причине, что у нас нет пока частных фондов, которые обеспечивали бы соответствующие стипендии и гранты, и которые есть на Западе.

Вот, собственно говоря, что можно об этом сказать. А что касается гибкости системы обучения, то она может быть обеспечена только одним образом: широкой связью системы образования с гражданским обществом, внутренней академической свободой в системе образования, более широкой, чем сейчас, и наличием системы общественного самоуправления в системе образования, в которую входили бы как педагоги, так и ученики и родители на паритетных началах.

И плюс, конечно, к этой же системе самоуправления можно подключать и потенциальных, создателей рабочих мест, то есть представителей государства и, может быть, и представителей частного бизнеса. Ну для школы, я думаю, присутствие представителей частного бизнеса в системе школьного самоуправления совершенно не нужно. А в вузах они могли бы присутствовать для того, чтобы создавать более широкую основу для планирования подготовки специалистов.

Вот то, что можно было бы сказать о тех практических шагах, которые можно было бы сделать по развитию системы образования.

Хубиев К.А.

Я тоже, как и Александр Владимирович, хотел бы связать проблему образования с новым качеством формирующейся сейчас экономики.

Прежде всего, я попытаюсь дать общую характеристику того нового качества, которое обретает не только российская, а и мировая экономика в целом. Сегодня разные исследователи приводят разные характеристики: экономика знаний, экономика инновационных технологий и т.д. Это очень существенные, но всё-таки частные характеристики. По моему мнению, новое качество экономики образуется на уровне высших форм движения материи.

Мне представляется, что сейчас экономика оказалась в принципиально новом пространственно-временном качестве. Так, благодаря развитию новых технологий, прежде всего IT-технологий, ранее географически разделенное экономическое пространство превратилось в единое экономическое пространство.

Временные процессы протекания экономических событий также радикально изменились благодаря этим же технологиям. Таким образом, экономика входит в новое качество – пространственно-временное. Возможно, не только экономика, и социальная жизнь тоже.

Отсюда проистекают многие фундаментальные вещи. Прежде всего произошла новая ступень обобществления всей экономики, в данном случае обобществление я понимаю в классическом смысле, и не буду далее подробно характеризовать. Далее из этого нового качества экономики проистекают и интенсивность экономических процессов, как в международном, так и внутрифирменном пространстве; в соответствии с этим возникает новый экономический язык, новые традиции, новые структуры, новые технологии и многое другое.

В этой связи одной из главных составляющих, или детерминант этой новой экономики, является образование, которое тоже требует нового качества. Какое образование? Я хотел бы поддержать тезис Андрея Ивановича Колганова о том, что именно новые экономические реалии требуют сохранения и даже развития фундаментального характера образования. Но я хотел бы, в отличие от Андрея Ивановича, сказать о том, что и сам рынок тоже требует фундаментальность, иначе говоря, фундаментальность не является альтернативой требования рынка, потому что на рынке труда требуются специалисты двух типов – исполнители и инноваторы. К тому же, пред-

---

приниматели так же, в этом я согласен с Андреем Ивановичем, предпочитают иметь дело со специалистами инноваторского типа. А такой тип специалистов может быть подготовлен только на базе фундаментального характера образования, когда специалист овладевает законами развития природы и общества, и может их применять далее в любой сфере профессиональной деятельности. Этот тезис фундаментального характера образования активно поддерживается в Московском университете (МГУ им. М.В. Ломоносова), прежде всего ректором акад. В.А. Садовничим, который, опираясь на поддержку Союза ректоров, всемерно отстаивает эти идеи, и, опираясь на них, пропагандирует соответствующие типы и направления образовательных реформ.

Те реформы, которые сейчас усилиями законодателей реализуются у нас в стране, по моему мнению, направлены несколько в другую область, чем это требуется исходя из нового качества экономики. Во-первых, это пресловутый единый экзамен (ЕГЭ).

Вообще, поступление в вуз через единый экзамен – это не шаг в область подготовки специалистов новаторского типа, а, наоборот, принудительное введение «сверху» излишней унификации системы высшего образования, когда все вузы хотят подвести под этот единый экзамен на этапе отбора специалистов. Хотя экономика инновационного типа и подготовка специалистов инноваторского типа предполагает очень дифференцированный подход к различным областям специальностей, знаний и профессий. И в данном случае данное «подведение» всех под единый экзамен, по моему мнению, резко снижает планку как селективного отбора, так и уровня подготовки специалистов на этапе уже высшего образования. Идёт развитие целого клубка противоречий, начиная от этого единого экзамена и до высшего образования.

Прием в вузы по единому общеобразовательному экзамену был бы очень уместен в условиях, когда государство обеспечивает всеобщее бесплатное образование. Тогда логика понятна. Мы вводим ЕГЭ, потом по результатам этого ЕГЭ всех принимаем в вузы. Но если у нас вводится ЕГЭ, но всех мы в вузы принять не можем; мы конституционно не гарантируем даже среднего общего образования, тогда это ЕГЭ вступает в противоречие с принципами доступности высшего образования.

Кроме того, система двухуровневого образования, ЕГЭ законодателями внедряется как единый стандарт, единый шаблон. И это у нас происходило в период разговоров о демократии, о свободе выбора, о многообразии возможностей и так далее. В этой связи мы и в печати выступали об этом, и иным способом пытались заявить свою точку зрения в то время, когда данные реформы только начинались.

Можно было бы хотя бы на переходный период предложить разные модели, а именно при сохранении пятилетнего специального образования можно было бы ввести бакалавриат четырёхлетний. И далее к этому бакалавриату предложить не одну, а две схемы: четыре плюс один, то есть бакалавры, потом желающие стать специалистами, доучиваются год; и параллельно с ней уже известную схему «четыре плюс два» – бакалавры, которые хотят стать магистрами, могут потом доучиваться.

Тогда у нас был бы выбор как минимум из четырёх схем. И потом в переходный период опробование этих схем может быть позволило бы выработать для нас какую-то наиболее приемлемую, эффективную схему именно для условий нашей страны. Но мы решили проблему исключительно административно-командным способом. Причём инициаторами этих законодательных решений оказались те, кто числит себя в либералах, демократах, которые наоборот должны были пропагандировать свободу выбора из разных возможностей. Но здесь их идеологические резко разошлись с практическими решениями. И в данном случае для математиков может возникла бы некоторая задача по измерению степени лицемерия пропагандируемых тезисов и проводимых решений.

Председательствующий. У нас тогда действовала формула: демократия – это власть демократов.

Хубиев К.А. Я полагаю, что было бы полезно сейчас измерить разницу между пропагандируемыми принципами и принимаемыми решениями, но для этого нужен сложный математический инструмент с соответствующими коэффициентами лицемерия.

Я хотел бы оставшееся время посвятить очень важной проблеме – светскости образования. Я решительный и категорический противник того, чтобы в школах вводился в том или ином виде предмет под названием "православие", или "мусульманство", или "иудаизм", или что-либо другое, по двум основаниям. Во-первых, религиозные учения по определению являются не научными. Что будет происходить в одной и той же школе, если ученикам будут говорить, что мир создан всевышним, в то время как в соседней аудитории или классе физик или химик будут утверждать прямо противоположное. Что мы сотворим с умами учеников? В силу того, что научное знание является противоположностью религиозного знания по самым фундаментальным вопросам, вводить такие предметы, действительно, было бы шагом в сторону средневековья. Во-вторых, этого совершенно нельзя делать ещё и по той причине, что существуют разные конфессии в России. Тогда надо в школах вводить несколько таких религиозных предметов.

Но мы тогда ухудшим наше образование минимум на треть. Эти предметы «съедят» учебное время. А ученики и без того сейчас перегружены. Представьте, четыре религиозных предмета ещё введут! Я бы предложил здесь совсем другое. Можно ввести предмет, например, историю религий. Может быть этот предмет вести в рамках предмета история культуры. Или отдельно или в рамках предмета история культуры.

Спасибо за внимание!

Славин Б.Ф., д.ф.н., профессор МПГУ.

Парадокс в том, что мы движемся не к обществу знаний, а к обществу не знаний. Я всю жизнь работаю в вузе и могу наблюдать на протяжении более 30 лет, как изменялось образование в России и что оно представляет сейчас.

Конечно, не все студенты плохие. Многое зависит от того, какую конкретно школу студент закончил, от уровня культуры родителей, наконец, от личного усердия в овладении знаниями, и так далее. Однако какой основной метод они используют в ходе подготовки к семинарским занятиям? Я им предлагаю, как правило, проблемный метод в подготовке докладов. Они в ответ предлагают нечто прямо противоположное. То есть, метод скачивания с Интернета информации (как правило, это информация случайно попавшейся журнальной статьи) на данную тему и ее чтение, в лучшем случае, пересказ на семинарском занятии. Как вы знаете, подобный метод применяется в начальной школе для тренировки памяти: прочитать и пересказать книжный текст.

Конечно, это относится не ко всем студентам, но, тем не менее, такая тенденция в высшей школе существует.

Недавно избранный президент России много говорит об инновациях и интернизации общества. В этой связи, я хочу сказать, что интернетизация школ это, пожалуй, единственное, чему сегодня можно поставить плюс в реформировании системы образования. Но не надо забывать, что компьютеры и доступ в Интернет - это всего лишь техника, всего лишь возможность улучшить образование, но не конкретный результат. Вопрос должен стоять не столько о том, сколько «железок» надо поставить в школы, а в том что и как по ним транслировать в головы учащихся. То есть остаются старые вопросы: чему и как учить современных школьников, студентов, слушателей в условиях информационной эпохи, или эпохи знаний?

Русская школа в отличие от многих других школ всегда отличалась очень высокой педагогической культурой. Это у нас были выдающиеся педагоги: Ушинский, Макаренко, Сухомлинский и др. К сожалению, их опыт у нас мало используется. Мало того, мы сегодня слепо заимствуем стандарты обучения за рубежом, не задумываясь о том, что они собой представляют по содержанию. Я уже не говорю об их воспитательной составляющей. В 1993 году мне пришлось быть в Америке. Мы специально много времени уделили изучению американской системы высшего образования. Тогда у них введение образовательных стандартов было прогрессивным шагом по сравнению с царившей стихийностью в преподавании отдельных предметов. В чем заключалась эта стихийность? В том, что каждый преподаватель давал студентам те знания и ту тему, по которой он защищал кандидатскую или докторскую диссертацию.

Введение стандартов в вузовскую систему преподавания в США были призваны покончить с подобной стихийностью, т.е. эти стандарты по своему содержанию стали в какой-то степени напоминать наши программы. Напомню, что наши программы всегда строились с учетом таких известных научных принципов, как историзм изложения знаний, их доступность учащимся, наглядность преподавания и т.д. Тем не менее, мы с небывалой легкостью отказались от достигнутого и начали бездумно перенимать американские стандарты обучения, особенно в общественно-гуманитарных дисциплинах, страдающие еще многими недостатками, и, прежде всего, формализмом обучения. К сожалению, эти недостатки уже отрицательно сказываются на процессе преподавания отдельных предметов и в нашей средней и выс-

---

шей школе, особенно, на учете знаний. К примеру, на создании ЕГЭ. Он во многом сродни экзамену по правилам дорожного движения в ГАИ. Как известно, там главный упор делается не на понимании предмета, а на его механическом заучивании и угадывании ответов.

Образовательная сфера, по сути своей, менее всего связана с рынком и рыночными отношениями, тем не менее, она находится сегодня под прессом тотальной коммерциализации. Бесплатность образования вопреки Конституции все больше становится призрачной. По мнению современных реформаторов, школа должна стать учреждением, дающим, прежде всего, образовательные услуги и получать за них определенный доход. Отсюда насаждение принципа платности в образовании. Например, в высшей школе открыто говорится о том, что деньги должны следовать за студентом. Отсюда же бурный рост всевозможных частных школ и вузов, доступных лишь богатой части населения. О качестве образования в них я не говорю: оно порой не выдерживают никакой критики.

Что происходит с учителями? По отношению к ним проводится странная селекционная политика. Так, десять тысяч хороших учителей получили приличные надбавки к зарплате, а как быть с остальными сотнями тысяч? В итоге такой политики возникли ненужные противоречия в государственных школах. И это притом, что учителя в частных школах получают намного больше, чем учителя в государственных школах. Те же явления можно наблюдать в вузах, когда профессора основной заработок получают не за работу со студентами в государственных вузах, а в платной сфере повышения квалификации и частных вузах.

В отличие от Запада проблема платности приводит не к увеличению, а к снижению уровня образования. Если, например, в Америке, студент, заплативший за учебу, буквально выдирает из преподавателя необходимые знания, то у нас, ситуация обратная: заплатил, значит можно не ходить на занятия и многого не знать. А преподаватель вынужден ставить такому студенту положительные оценки, потому что его зарплата во многом зависит от учащихся, заплативших за учебу. Получается, замкнутый круг, ведущий к общему снижению уровня образования.

Несколько слов о внедрении в высшую школу так называемой Болонской системы, которая призвана унифицировать учебный процесс и сделать отечественные дипломы приемлемыми в любой западной стране. Многие критики этой системы считают, что она облегчит вывоз российских «мозгов» за границу, в частности в США.

Сегодня эта система буквально навязывается вузам сверху правительством, хотя педагогическая общественность ее воспринимает с трудом, ибо она противоречит многим прогрессивным достижениям отечественной педагогической науки и подлинным потребностям страны. Как известно, многие вузы Германии эту систему не приняли, так как она носит во многом позитивистский характер. Чужда она и нашей российской традиции, делающей упор на понимание, на содержательные и духовные моменты в обучении. До сих пор совершенно неясно и как общество будет использовать выпускников четырехгодичного бакалавриата, введенного в вузах. В Норвегии

мне говорили: «Зачем вы разрушаете свою хорошую и научно продуманную систему образования и берете новую, но плохую?». К сожалению, до сих пор это не понимают в правительстве.

Есть еще одна острая проблема, связанная с образованием. Это быстрое сокращение школ на селе. Еще в советские времена была так называемая проблема малоперспективных деревень, от которой быстро отказались, ибо она фактически выталкивала в города деревенских жителей, что наносило большой ущерб стране. Сегодня на селе подобная проблема снова встала в полный рост. Планируется, что в ходе реализации образовательного проекта будут закрываться деревенские малокомплектные школы, то есть школы, где в одной классной комнате одновременно учатся ученики разных классов и возрастов. Теперь по проекту «Образование» всех учеников таких школ будут возить на автобусах в районную центральную школу. Для улучшения процесса образования учеников это неплохо, но не следует забывать, что с ликвидацией деревенской школы будет ликвидирована и сама деревня, потому что если что и держит людей в деревне, то, конечно, это дети, школа и наличие медицинской помощи. К сожалению, это не учитывается ни в проекте образования, ни в других приоритетных проектах.

Теперь о клирикализации средней школы. Кто бы мог подумать, что в XXI веке у нас будут обезьяньи процессы. А ведь клирикализация школы символически началась именно с подобного обезьяньего процесса. Как известно, одна из учениц средней школы в Санкт-Петербурге отказалась изучать эволюционную теорию Дарвина, показывающую естественное происхождение человека из животного мира и вместе с отцом потребовала отменить преподавание в школе эволюционной теории происхождения человека, заменив ее «библейской версией» божественного творения. В итоге данный конфликт разрешался в суде. И хотя суд не принял сторону истца, сама постановка вопроса о замене научных данных в школьном просвещении религиозной верой, стал началом клирикализацией российской школы. В защиту «библейской версии» происхождения человека перед работниками образования сегодня открыто выступают высшие церковные иерархи. Мало того, вопреки положениям Конституции о свободе совести и отделении государства и школы от церкви, предпринимаются активные попытки ввести в средней школе преподавание «основ православной культуры». При этом, по сути дела, речь идет о стремлении навязать учащимся взгляды одной из многих конфессий, издавна существующих в России.

Однако, как свидетельствует первая стадия общественного обсуждения данных «новаций» в СМИ, их реализация в системе российского образования приведет к тому, что достигнуть согласия и консолидации в многонациональной и поликонфессиональной стране будет просто невозможно. К этому же мнению склоняются и академики РАН в своем известном письме к президенту России.

Вместе с тем, на школу продолжает оказываться мощный прессинг со стороны различных церковных структур. Под разговоры о целесообразности внедрения в школу предмета «основ православной культуры» во многих областях уже давно идёт

это преподавание, уже масса учителей задействована в этом процессе. И это лишний раз подтверждает, что в XXI веке Россия движется в сторону, противоположную знаниям и науке.

Конечно, следует понимать, почему идет такой мощный религиозный прессинг на школу. Общее ухудшение жизни россиян увеличивает социальное отчуждение, ведет к усилению власти религии и церкви. Существует известная закономерность: чем больше противоречий в обществе, тем сильнее тяга людей к религии. Нельзя забывать, что религия есть «вздых угнетенной твари, сердце бессердечного мира». Избавиться от религии невозможно, не исключив главной причины ее порождающей – угнетение людей. В свое время воинствующие атеисты это не понимали, когда рушили церкви, тем самым порождая всё большее количество верующих. Однако сегодня наблюдается другая крайность – поддержка религии государством.

Параллельно с клерикализацией системы образования идет процесс внедрения в массовое сознание глубоко консервативной идеологии.

Вновь, на этот раз уже с консервативных позиций, стала переписываться отечественная история, в которой всячески принижается деятельность демократов и реформаторов, и превозносятся реакционеры – в том числе отъявленные палачи и мракобесы. Даже великие российские писатели и поэты удостоиваются похвалы не за художественные произведения, не за свободолобивую гражданскую позицию, а за слабости, проявленные перед лицом власти. Подобной участи не избежал даже такой певец свободы, как А. Пушкин.

В угоду новому идеологическому курсу всячески искажается и смысл того, что обычно именуют «русской идеей». В трактовке ее наиболее усердных интерпретаторов свойственные ей качества: свободолобие, открытость и демократичность подменяются набором противоположных характеристик. Утверждается, в частности, что она изначально враждебна «индивидуальному началу», «не предполагает развития», неизменно ориентирована на «единство народа и власти».

Под прикрытием идей общественного примирения и согласия, последовательно возрождается культ различных деятелей Белого движения: происходит перезахоронения их останков, переиздаются их труды, автобиографии, дневники. И иницируют все это, как правило, не маргиналы, а известные в прошлом деятели культуры и публицисты. В целом, впечатление таково что, согласно представлению нынешних консервативных идеологов, России XXI века надлежит двигаться не вперед к высотам общественного прогресса, к свободе и справедливости, а назад в мрачные времена средневековья. Странно, что после этого власть вроде бы удивляется, почему в современном российском обществе расцветают националистические и ксенофобские настроения.

В свете новой идеологической парадигмы следует также рассматривать и набирающий силу процесс вытеснения высокой культуры ее «попэрзацем». Отсюда постоянные демонстрации в электронных СМИ сцен отдыха и развлечений представителей высшего света дореволюционной России, показ криминальных сюжетов и

«сенсационных сцен» из личной жизни монархов, миллиардеров, кинозвезд и спортсменов, бесконечные игровые шоу и т.п. Видимо речь идет о том, чтобы, препарировав классическую античную формулу манипулирования народом «хлеба и зрелищ», «накормить» современную российскую публику одними «зрелищами» и, тем самым, отвлечь ее от тяжелых раздумий о настоящем и, особенно, о будущем страны.

Я забыл сказать об одном важном моменте. У нас сегодня идет процесс явной идеологизации школы. Посмотрите школьные учебники: там вместо прежней установки на деидеологизацию, идет процесс насаждения консервативной идеологии. Особенно это относится к гуманитарному знанию. Эта идеология внедряется в преподавание истории, литературы, обществоведения и т.д. Возьмите учебное пособие для учителей Филиппова. Там совершенно по новому дается фигура Сталина. Отношение к ней уже далеко не столь негативное, как было принято в прошлом под воздействием неolibеральной идеологии. Сталина подают как «эффективного менеджера», последовательного державника, покончившего с ленинским интернационализмом, как великого стратега, выигравшего войну против фашизма и поднявшего страну «от сохи до атомной бомбы». При этом замалчиваются (или даже частично оправдываются) его известные преступления перед народами и гражданами

В 90-е годы авторы учебников по истории исповедовали теорию деидеологизации, помогающую развенчать советскую систему, сегодня идут по линии реидеологизации, позволяющей насаждать консерватизм и великодержавный шовинизм.

Пригарин А.А. Простите, у меня реплика. Хорошо известная истина, что в обществе господствует идеология господствующего класса. Поэтому не нужно лить слезы.

Славин Б.Ф. Я не лью слез. Я говорю о борьбе против явной идеологизации школьного образования.

Пригарин А.А. Отменить господствующую идеологию можно только сменив социально-экономическую систему. Поэтому не может быть истории вне идеологии не только относительно Ленина или Октябрьской революции или советского периода. Относительно Ивана Грозного, Александра Невского и т.д.

Славин Б.Ф. Под давлением масс можно многое изменить в школе и до революции.

Арсланов В.Г., доктор искусствоведения, зав. каф. философии УРАО.

Я хотел бы напомнить о том, что значит само слово "образование". Это образованный человек – человек, который приобрел образ человеческий. Причем, так не только в русском языке, но, скажем, и по-немецки – «билдунг», образование, образованный человек, который обрел образ. И дело в словах, а дело в сути. Всегда, начиная с древнейших времен, шел спор между теми, которые хотели сделать человека научным специалистом – и теми, кто хотел придать ему образ человеческий. Помним известное выражение Гераклита, что многознание уму не научает. Это первый тезис.

Второй тезис. В обществе, где господствует безраздельно - подчеркиваю это слово, по крайней мере, в нашей государственной системе, - коррупция и бандитская

нравственность, возможно ли образование в первом смысле этого слова? По-моему, вопрос риторический.

А поскольку вопрос риторический, то надо на него честно себе отвечать. Никакое финансирование делу существенно не поможет, даже если предположим невозможное, а именно, что на наши мольбы ответят высшие государственные чиновники, и дадут денег на образование. Но они безусловно не ответят. Вернее, ответят так, как отвечают до сих пор. И поэтому то, что мы делаем - это, в общем, некий ритуал. Мы плачем. На этот плач соответствующим образом реагируют. Точнее, не реагируют. Мы все разыгрываем определенную узаконенную, отведенную нам, роль.

Но вот предположим, что ритуал этот несколько изменился, и в ответ на наш плач мы получаем финансирование в нужном размере. Что происходит в обществе, где господствует то, что я уже назвал? По-моему, тоже вопрос риторический.

Это не значит, что мы абсолютно обречены. Нередко в истории находились люди, которые вопреки всему делают свое дело, то есть, если речь идет о преподавателях и учителях, преподают не халтурно, а так, как надо, независимо от того, платят им деньги или не платят. Правда, если не платят, то честные преподаватели погибают. Однако вспомним, как христианство преобразовало развратный Рим? Погибая на крестах. Я, разумеется, никого не зову погибнуть на кресте, я просто говорю, что образование человечества совершалось часто не благодаря образовательным программам и выделенным на образование средствам, а вопреки. Но тут уж надо дать себе полный отчет в том, что такой тип образования связан с разрушением всей той государственной системы, которая не хочет заботиться о выделении средств на образование. Чернышевский писал в своих «Письмах без адреса» Александру II – не будете заботиться об образовании народа, не будете строить больницы и школы в деревнях – восставший народ уничтожит и вас и нас. Так что когда депутаты плачут по поводу невинных, расстрелянных в подвале Ипатьевского дома, пусть они вспомнят эти слова Чернышевского. Разумеется, не вспомнят, потому что наш депутат в своей массе – калач тертый, он к плачу народа глух, и в аргументы Чернышевского не верит.

И, наконец, третий тезис. Всё-таки первое и второе от нас, наверное, не зависит. Или зависит в слабой мере. А вот другая сторона дела, предполагающая то, что мы можем сделать сами, независимо от того, финансируют нас или нет.

Давайте зададимся вопросом, а мы то сами, образованы или нет? Не в смысле формального образования, а в смысле человеческого облика? Ведь образованный человек должен следовать правилу, известному ещё с давних времен - увидеть соринку, вернее, увидеть бревно в своем собственном глазу, в первую очередь. Есть ли это бревно в нашем глазу (я имею в виду не здесь присутствующих, а прежде всего всю систему образования)? По-моему, эти бревна валяются на каждом шагу и некому их поднимать. Это- то и страшно, что некому их поднимать.

Я очень приветствую начинание в одном постмодернистском журнале, который финансируется Прохоровым - известным олигархом. Сестра его издаёт журнал "Но-

---

вое литературное обозрение". Журнал, надо сказать, постмодернистский, но совершенно профессиональный, то есть соблюдающий элементарное правило научных исследований – верность факту, культ факта. В этом журнале сейчас появилась рубрика под названием "Халтура". Рассматриваются произведения нашей образованности, которые попадают под эту рубрику. В последнем номере журнала прорецензирован учебник по литературе для средней школы, изданный в МГУ. Когда я прочитал эту рецензию, у меня, как говорится, остатки волос встали дыбом, потому что там не просто ошибки, но... одним словом, надо прочитать эту рецензию.

Исключение ли подобная халтура? Нет. Я смотрел учебники по истории, где очень многие даты совершенно неверные. Реагирует ли образованное общество на те "брёвна", которые валяются под нашими ногами? Вопрос тоже риторический.

Но мне кажется, что на этот последний вопрос мы могли бы ответить не риторически, то есть, я призываю к тому, что обязаны делать все образованные люди – не проходить мимо халтуры, к которой, увы, мы тоже можем иметь отношение. С нетерпимости к халтуре, подтасовкам, нечестной полемике, намеренному искажению фактов начинается то, что может по праву называться образованным обществом. Вспомним о Вольтере или о блестящих памфлетах Канта – с них начался ренессанс мысли и образования в том смысле слова, о котором я говорю, в Европе 18 века.

Итак, протест и действенное реагирование против халтуры в наших собственных рядах, единственный пока способ показать то, что мы относимся к образованному обществу сами. Остальное, увы, от нас не зависит, остальное, увы – ритуальный обряд, призванный показать, что мы живем не при бандитском капитализме, а в демократическом, либеральном обществе.

Спасибо.

Воронин Д.В., к.и.н., доцент, директор Прокопьевского филиала Томского государственного университета.

Мне бы хотелось остановиться на двух-трёх моментах. Вот говорилось о том, что необходимо использовать Интернет-технологии, что вот это значительно расширило бы возможности развития, прежде всего, высшего образования, потому что студенты получили бы возможность услышать лекции, увидеть лекции ведущих учёных различных вузов. Но здесь вот это наше желание зачастую разбивается о такую прозаическую проблему, как финансирование. Мы, допустим, в своём филиале одни из первых в Кемеровской области стали использовать вот эти новые технологии, и всё казалось бы развивалось нормально, складывалось нормально до тех пор, пока это шло за счёт государственного финансирования. И лекции в виде конференц-связи в режиме реального времени, они нам не стояли ничего. Но вот уже, начиная с этого года, ситуация изменилась и стала складываться таким образом, что использовать эти новые технологии стало экономически невыгодно. Проще пригласить профессора из какого-то другого вуза, так сказать, чтобы он приехал, пусть даже на самолёте, чем, так сказать, он прочитал курс лекций с использованием Интернет-технологий, то есть эта проблема стала острой. У нас в Томском государственном университете, он

здесь стал лидером, была на базе университета создана Ассоциация "Открытый университет", куда вошли практически все вузы Западной Сибири и частично Дальнего Востока, но вот использовать это на практике стало тоже весьма затруднительно по этой причине.

Кроме этого, вот говорилось о подушевом финансировании. Да, действительно, с одной стороны вроде бы как и заманчива эта система для внедрения.

Но в то же время она приводит, на мой взгляд, к нежелательным явлениям. В результате, такой у нас пример, первая школа города Прокопьевска, которая выросла в своё время космонавта, академика Кантаровича, она сейчас превращается в разряд не лучшей школы, а обычной, потому что оказалась в старой части города и демографическая ситуация изменилась, детей стало меньше, ну а стало быть, просто-напросто изменилось и финансирование.

Ну а в целом эта система приводит к тому, что по городу уже планируется сократить около 100 классов. Ну естественно, это не значит, что закроются школы, какая-то конкретная школа. Но во всяком случае они приобретут новый статус, а стало быть, детям придётся ездить уже в другой конец города для того, чтобы получить среднее законченное образование.

Поэтому проблем здесь более чем предостаточно. И естественно, существуют наши предложения, стенания в какой-то степени о том, что далеко не всё благополучно складывается как в системе среднего образования, так и в системе высшего образования. Ну, наверное, заложено в той политике образовательной, которую проводит наше руководство. Во всяком случае вчера звучали цифры в выступлении Олега Николаевича о сокращении финансирования, фактическом сокращении финансирования в течение ближайшей трёхлетки. Яркое свидетельство тому, что света в конце туннеля не видно.

Председательствующий. Хорошо, спасибо, Дмитрий Васильевич.

Уважаемые коллеги, я напоминаю, у нас, конечно, очень много всех проблем, и я понимаю, что мы невольно ставим их все. Но ключевые вопросы - это "круглый стол" наш посвящён теме: почему образование должно быть общедоступным, светским и фундаментальным.

Пожалуйста, у нас Алексей Алексеевич Пригарин.

Пригарин А.А., к.э.н., заслуженный экономист России.

Я считаю чрезвычайно важной поднятую здесь проблему фундаментальности образования. Я не так оптимистично оцениваю ситуацию с потребностями в специалистах креативного характера в современной экономике, ибо вижу и противоречивость этого процесса. Не только наша государственная образовательная политика, но и международная или мировая сводится в известной мере к узкой специализации специалистов с высшим образованием. По сути дела Болонская, хочется сказать двухлетка, двухэтапная система - это и есть превращение основной массы студенчества

в специалистов среднего уровня знаний, специализированных. И ЕГЭ тоже относится к этой области. Натаскивание их всех.

Вот это есть объективное противоречие развития того процесса, который идёт. Вы помните, что появился такой термин "образованщина", по-моему, его ввёл Солженицын, по отношению к советской интеллигенции. И с точки зрения факта он был совершенно прав, но просто не было в 20-е, в 30-е годы другого выхода, как готовить узких специалистов в основном технического профиля. И "образованщина" по сравнению с абсолютной неграмотностью дореволюционной России была огромным шагом вперед, поэтому тут, с точки зрения элиты, элитарной, смотреть на этот процесс крайне неверно.

Но исторические последствия каковы? В том числе. Что наша "властная элита", если так можно сказать по отношению к советским структурам управляющим, была полубразованной.

В результате, мы получили систему руководителей по всей иерархии, от генерального секретаря до руководителя, кстати говоря, предприятия, людей узкой специализации и не обладающих общей культурой и гуманитарной культурой, которая необходима для руководства, для руководителей современного типа. И в итоге получили то, что получили.

И, мало того, что необходимы фундаментальные знания руководителям, им необходимы гуманитарные знания.

И ещё одно. Если вернуться к мировым процессам и фундаментальности, то, глядя вперед, мы должны видеть, что, вообще, в производственном секторе и рабочих, и ИТР останется всё меньше и меньше по мере развития, скажем, я не люблю термин "постиндустриального общества", но, скажем, "информационного общества". И, следовательно, и потребность в людях этого знания будет иссякать или уменьшаться.

Тогда спрашивается: а какие отрасли получат дальнейшее развитие? Это наука и отрасли воспроизводства человека: образование, медицина, культура, искусство, даже спорт. Вот эти. Следовательно, когда мы говорим о будущем образования, мы должны иметь в виду предстоящие изменения.

И что касается церкви в школе, это, кстати, тоже вопрос гуманитарного образования. Было бы странно не давать ученикам никаких знаний о мировых религиях, а вот в рамках чего и какого курса это должно происходить? Насколько мне известно, Министерство образования дало согласие на введение в школах предмета "История религии" как компромиссный вариант.

Я полагаю это тоже неудовлетворительным решением, в том числе и с точки зрения чистой методологии, потому что история религии отличается от общего исторического процесса, отрывается. Поэтому я за то, чтобы давать историю религиозных учений как соответствующие параграфы в соответствующих главах учебника истории. Тогда мы дадим те знания, которые необходимы: как развивалось христианство и другие мировые религии.

Вот и последнее замечание, нельзя соглашаться ни на какой факультатив, потому что мы получим в школе со стопроцентной вероятностью систему добровольно-принудительного посещения таких занятий, мы это проходили и на советском опыте. Спасибо.

Келле В.Ж., д.ф.н., профессор.

Я хотел бы обратить внимание на две темы, два вопроса, если успею за положенные мне минуты.

Первое. Дело в том, что мы сейчас решаем те же самые проблемы, которые не были решены в советское время. И это надо понимать. Лозунг XXIV съезда "Соединение научно-технической революции с преимуществами социализма" не был выполнен, проблема не была решена. И это было одной из причин, я считаю, падения, распада Советского Союза. Потому что мы тем самым не достигли соответствующей производительности труда и отстали от капиталистических стран развитых на целую технологическую эпоху. Сейчас мы должны наверстывать то, что мы тогда не смогли сделать, в совершенно новых социально-экономических условиях и новыми средствами, и на новом уровне развития той же самой научно-технической революции.

Я думаю, что вот это сочетание, оно должно нами быть ясно понято. И для того, чтобы учесть и ошибки, которые были, и для того, чтобы был какой-то целенаправленный подход к анализу опыта Советского Союза. Ведь опыт тоже можно учитывать по-разному. А это дает угол зрения, точку зрения: почему, в чём дело, какие причины, не была готова система?

Рыночная система оказывается более эффективной, чем плановое решение задач развития инновационной экономики.

Я сейчас не собираюсь эту тему развивать, я только напоминаю об этом. Я говорю, что одной из задач, которая сейчас стоит, это действительно подготовить наше население, нашу молодежь к тому, чтобы она могла развивать эту инновационную экономику. А каким образом? Я думаю - это главная цель, главная задача.

Вот в связи с этим вопрос о целях образования. Это очень важно, очень важно - цель образования. Я помню, что уже в советские времена была поставлена задача школьной реформы. И тогда Микоян, по-моему, возглавил вот это дело, и он высказал идею, что нужно готовить узких профессионалов, для того чтобы люди могли находить работу, делать то, что нужно стране и так далее. Вот это и была полемика, собственно: а нужно ли менять нам общую гуманистическую цель образования? Сейчас этот вопрос тоже стоит.

Я думаю, что наша власть сделала колоссальную ошибку, когда поставила в качестве главной цели образования подготовку, адаптацию образования к рынку. Я думаю, что это кардинальная ошибка, которая уже вызвала по цепочке всю другую последовательность вот тех решений, которые они принимали. Есть две сферы общественной жизни вне рынка. Это фундаментальная наука и общее образование. Если связать фундаментальную науку с рынком, она просто исчезает. Если общее

образование связать с рынком и поставить в зависимость от рынка, то никакой доступности общего образования не будет. И не случайно наши докладчики сегодня действительно говорили о том, что нужно соответствующее финансирование, обеспечение и так далее. Просто надо такую цель поставить: общее образование - это не рыночная проблема, она должна стоять вне рынка. Только такая постановка вопроса может сделать общее образование общедоступным. Другой постановки быть не может.

Что касается высшего образования, здесь вопрос несколько сложнее. Но, в общем, тоже связь с рынком должна быть совершенно иная. Образование, в каком смысле оно должно быть нацелено на экономику? Только в плане подготовки людей, необходимых для экономики. Тут то, что говорили о фундаментальном образовании, это всё совершенно правильно. И вот здесь тоже ещё один момент имеется. Виктор Григорьевич говорил, что образование - это образ. Я бы по-другому расшифровал этот термин. Образование - это обучение и воспитание. Это два начала, которые связаны, но не совпадают. Дважды два - четыре, это можно выучить, а нравственные нормы можно только воспитать. Если ты знаешь, что воровать нельзя, это не значит, что ты не будешь воровать. Это разные совершенно вещи.

И вот образованец получается тогда, когда он обучен, но не воспитан. Понимаете, у него нет вот этой культуры, нравственной культуры, и тогда человек только обучен. Поэтому, я думаю, что мы не должны забывать, говоря о формировании личности, о гуманистических целях образования. Всё. Спасибо.

Конашев М.Б., к.биол.н., Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники.

Прежде всего, я хотел бы сказать, что я разделяю все основные пункты основных докладчиков, именно Александра Владимировича и Андрея Ивановича. Там нужны некоторые поправки, но это частный вопрос. И хотел я сказать именно о светскости образования. Доказывать тут ничего не нужно. То, что образование в нашей стране должно быть светским уже доказано, обсуждалось ни один раз, и никаких новых аргументов здесь привести просто невозможно. Сошлюсь в связи с этим на три вещи.

Во-первых, один факт был уже здесь назван: по Конституции, её пока ещё никто не менял, - хотя это не проблема, как вы знаете, в нашей стране, можно и это сделать, - так вот по Конституции пока ещё наше государство является светским и там чёрным по белому записано, что наша страна, Российская Федерация, является светским государством. Соответственно образование, как минимум государственное, в нашей стране должно быть светским.

Второй факт тот, что обсуждать за, против уже и не нужно и бессмысленно. Только Санкт-Петербургский Союз учёных на протяжении последних двух лет инициировал три письма в разные инстанции. Одно из них было направлено лично министру Фурсенко.

Почему я упоминал обо всех этих письмах, потому что в них, фактически, обоснование необходимости сохранения светского образования в нашей стране, на мой взгляд, дано почти исчерпывающее.

И третий факт состоит в той позиции, к сожалению, я должен об этом сказать, в той позиции и в том курсе, который проводится в нашей стране, курсе, условно говоря, властвующей элиты или государственной власти.

В самом кратком виде этот курс выражен небезызвестной нам формулой: вновь возрождённое неосамодержавие, православие и народность. Чтобы мы здесь не говорили, до тех пор, пока этот курс будет сохраняться, пока будет проводиться соответствующая ему государственная политика в стране, будем иметь и соответствующие результаты.

Всем следует помнить, вспомнить некоторые исторические примеры и знать, что, конечно, персональная ответственность, она наступает иногда и посмертно, то есть в исторической памяти, но она всё-таки наступает.

В связи с этим, следуя нашей вековой российской традиции, я не буду приводить никаких примеров из нашего российского опыта, сошлюсь на другую страну, например на Индию.

В своё время, когда англичане пытались удержать своё господство в Индии, сохраняя Британскую Империю, они активно использовали как раз этот фактор усиления религиозности общества. И одним из принципов британской политики, в частности, небезызвестного Черчилля, было использование религиозной вражды между двумя основными религиями в Индии, то есть, соответственно, индуизмом и мусульманством.

И после окончания Второй мировой войны вместо одного свободного светского, разумеется с учётом наличия двух религиозных общин, процветающего и прогрессивного государства получилось, как известно, два. Этот фактор был использован фактически для раздела Индии.

Я не берусь делать никаких прогнозов, никаких антиутопий. Единственное, чтобы мне не хотелось, чтобы в нашей стране произошло, условно говоря, нечто подобное, в любом варианте, даже в самом мягком. И мне бы не хотелось, чтобы, - если использовать эту заезженную формулу «философского парохода», - чтобы в будущем у нас образовался не некий философский пароход, а некий атеистический пароход, на который посадят всех атеистов и просто вышлют из соответствующего православного государства.

В связи с этим мне бы хотелось подчеркнуть ответственность трёх фигурантов.

Первое - ответственность власти, которая продолжает проводить этот курс, то есть ответственность за все те последствия, которые она неизбежно пожнёт с проведением этого курса, ответственность за этот курс будет лежать именно на этой власти, на соответствующих персоналиях.

Второе - это ответственность Русской православной церкви, которая, к сожалению, прямо, или косвенно продолжает участвовать в этом тандеме: власть-государство.

И, наконец, это ответственность так называемого гражданского общества. Спасибо.

Абрамсон И.Г., д.т.н., гл.н.с. Научно-испытательного центра "Гипроцементнаука".

Я уверен, что наступление клерикалов на школы в общем смысле будет продолжаться, причём будет продолжаться с усилением.

И вот здесь мне хотелось бы предложить нам определённую методику действий в отражении этого наступления.

Есть некоторый опыт в этом плане. Мне кажется, что нам надо стремиться к тому, чтобы дискуссия на эту тему переходила в открытый режим в средства массовой информации, которые смотрят или слушают многие люди.

В Питере был опыт, когда пятый канал - федеральный канал пригласил сторонников и противников введения основ православной культуры в школу на открытую дискуссию.

Вот мы с Михаилом Борисовичем принимали в ней участие.

Там был представлен со стороны конфессии отец Михаил Ардов, и по телемосту, муфтий из Уфы.

Надо сказать, что оба они по разным причинам были против введения основ православной культуры, какой бы то ни было религиозной культуры в школу.

Но ярким сторонником введения был профессор философского факультета нашего университета Филипп Казин. С ним спорил от имени Союза учёных учёный секретарь питерского отделения Академии наук Эдуард Петров. Не очень активно спорил, но спорил.

И вот потом была дискуссия. Так получилось, что мне удалось выступить последним, и я там сказал: "Какую задачу мы ставим перед школой? Готовить раба Божия или Творца, который находится в центре созидания общества, культуры, производства и так дальше?"

И оказалось, что вот такая постановка, она сильно ломает настроение.

Больше того, в это время, отец Ардов уже хотел уйти, но вернулся, однако ему уже не хватило времени, потому что кончалась передача. Он говорит, это для него было острым вопросом.

Мне думается, что мы должны именно вот на это обращать внимание и стремиться, чтобы это выходило в открытый эфир. Спасибо.

Председательствующий. Спасибо, Иосиф Григорьевич.

Здесь есть много спорных вещей, я сейчас не хочу начинать полемику на эту тему, потому что здесь есть два уровня полемики.

Уровень полемики, когда мы можем соединиться с теми, кто поддерживает идею раба Божьего, но не хотят основ православной культуры, и полемики, когда эта по-

---

лемика, скажем, атеистов и людей верующих - я разделил бы, хотя и занимаю достаточно чёткую позицию, о которой говорил. Я принадлежу к числу тех, кто стоит на светских позициях.

Орлов Б.С., д.и.н., профессор.

Те, кто намереваются ввести в школах, пусть даже в виде факультативного предмета, основы православной культуры, не отдают себе отчет в том, что тем самым они ставят совсем маленьких людей, только еще осознающих сам факт собственного бытия, перед страшнейшим выбором – кто они - православные, мусульмане, иудеи, буддисты. Дети невольно разделяются по этому признаку на отдельные группы. Тем самым закладывается мина будущего раскола, который отзовется эхом по всей стране. Приобщать к основам основных мировых религий – одно дело, определять для себя одну из них – другое.

Сорокин А.А., к.э.н., доцент МЭИ(ТУ).

За последние 15-20 лет идея реформирования образования потеряла свою былую новизну и привлекательность, превратившись в перманентно декларируемую банальность. Население и педагогическое сообщество часто не успевает переварить очередное реформаторское начинание, как появляется новая «панацея», которая наконец-то должна радикально преобразить отечественную школу и вывести ее на «передовые мировые позиции». И прежние идеи часто признаются недоработанными, несвоевременными или вовсе не нужными. В результате в обществе нарастают апатия и безразличие, усталость от постоянного реформирования, неверие в возможность как-то воздействовать на принимаемые решения.

Несмотря на всю хаотичность и противоречивость процессов преобразований в постсоветской России, общая тенденция просматривается достаточно четко: превращение образования (да и всей социальной сферы) в пусть специфический, но все же рыночный сектор экономики, со всеми его механизмами оценки эффективности, стимулирования, финансирования. Как представляется, именно в этом заключается основная причина кризисного состояния нашего образования, и упорные попытки продолжить движение в том же направлении вряд ли принесут положительные результаты. Возражение о том, что подобные модели реализуются в странах Запада и обеспечивают необходимые условия для их успешного социально-экономического развития, не совсем корректно. Во-первых, во многих странах, например в Скандинавии, сфера образования не рассматривается как рыночная. Тем более что, как известно, наши либералы самые либеральные либералы в мире и готовы ставить такие эксперименты, на которые не осмеливаются в условиях развитого гражданского общества их коллеги на Западе. Во-вторых, следует также определить, в какой степени успехи в экономически развитых странах Запада являются результатом применения рыночных механизмов, а в какой - накопленного культурного и интеллектуального потенциала, традиций, а, может быть, и просто более масштабного финансирова-

---

ния. Притом, что попытки внедрения рыночных принципов в сферу образования встречают достаточно мощный протест со стороны широких кругов преподавателей и учащихся в этих странах. России от Советского Союза досталась мощная социальная сфера, которая значительно превосходит социальные системы, сопоставимых с Россией по уровню экономического развития стран. Не окажемся ли мы в конце концов в ситуации такого рыночного равновесия, когда наше образование займет те рамки, которые задает сегодняшнее экономическое и технологическое состояние России. То есть страны поставщика на мировой рынок природных ресурсов и продуктов их первичной переработки, то ли «энергетической сверхдержавы», то ли «сырьевого придатка». Накопленный десятилетиями интеллектуальный, образовательный и культурный потенциал будет утрачен, и страна потеряет перспективы социально-экономического прорыва. Многие еще помнят слова министра науки и высшей школы «правительства молодых реформаторов» Бориса Салтыкова о том, что «науки в России слишком много». Сейчас этот «недостаток» в значительной степени исправлен и науки и образования, по крайней мере качественного, стало значительно меньше, но удовлетворения от этого почему-то никто не испытывает. Спасибо.

Бузгалин А.В.

Уважаемые коллеги, я подвожу итоги, прощу прощения.

Я хотел, во-первых, подчеркнуть, что нашу задачу мы, к сожалению, реализовали не в полной мере и вот Виктор Григорьевич просил смотреть на "брёвна" в нашем собственном глазу. Одна из задач, я о ней говорил в самом начале, была в том, чтобы чётко и строго сформулировать аргументы в пользу необходимости общедоступного светского образования для того, чтобы депутаты Государственной Думы могли в своей деятельности их использовать. Мы пошли по пути традиционному для интеллектуального сообщества - поговорить об интересном для себя, за небольшим исключением.

Друзья мои, на самом деле это одна из наших тоже проблем и бед. Видимо, я должен сам себя покритиковать за это и здесь присутствующих, может быть.

Засим я всех благодарю.
